

ДИСКУССИИ / DISCUSSIONS

УДК 338.24:338.46:330.1
JEL: E02, E6, O43, Z2

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.381-391>

Е. А. КАПОГУЗОВ¹,
Р. И. ЧУПИН²

¹ Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

² Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения
Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия

ПАДЕНИЕ ТРАНСАКЦИОННОГО СЕКТОРА: АПРЕЛЬСКИЕ ТРЕНДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ АЛЬТЕРНАТИВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Капогузов Евгений Алексеевич, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Экономическая теория и предпринимательство», Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Адрес: 644053, Омская обл., г. Омск, пл. Лицкевича, 1, тел.: +7 (3812) 64-83-44

E-mail: egenk@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8083-5654>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/O-5278-2017>

SPIN-код: 5106-7554, AuthorID: 337296

Контактное лицо:

Чупин Роман Игоревич, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук

Адрес: 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17, тел.: +7 (999) 454-92-76

E-mail: roman-chupin@ya.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8904-1380>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/O-4534-2017>

SPIN-код: 7571-1067, AuthorID: 652038

Цель: оценка текущих трендов развития транзакционного сектора в России и выявление альтернатив реализации экономической политики в условиях ограничений хозяйственной деятельности.

Методы: в процессе исследования использовались общенаучные методы познания; контент-анализ литературных источников и средств массовой информации, сравнительный дискурсивный категориальный анализ.

Результаты: пандемия коронавируса определила новые вызовы для экономик практически всех стран мира. Одним из проявлений кризиса экономических систем, связанных с пандемией, стало сокращение транзакционного сектора экономики, что предопределяет необходимость оценки его влияния на экономику России. Рассмотрены политэкономические причинно-следственные связи борьбы с коронавирусом и состоянием национальных экономик на примере «дилеммы Трампа». Установлено, что в условиях жестких ограничительных мер, установленных

большинством стран мира, наиболее уязвимыми оказались организации транзакционного сектора, и в первую очередь организации сферы услуг. На примере спортивной части «Экономики впечатлений» в России и других странах мира рассмотрен спектр негативных последствий, следующих за отменой спортивных мероприятий и сокращением финансирования спортивных клубов.

Научная новизна: в исследовании предлагается авторская позиция относительно существующего дискурса в отечественной литературе по вопросу содержания и масштабов транзакционного сектора. Также рекомендуется способ актуализации выбора социально-экономических альтернатив решения проблемы функционирования экономики в условиях ограничений, связанных с пандемией коронавируса.

Практическая значимость: полученные результаты могут быть использованы в качестве рекомендаций для органов региональной власти при оценке и разработке мер по выработке альтернатив экономической политики.

Ключевые слова: транзакционный сектор; экономика коронавируса; импорт институтов; экономика впечатлений; экономика спорта

Благодарность: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации по теме «Участие России в экспорте и импорте институтов».

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Капогузов Е. А., Чупин Р. И. Падение транзакционного сектора: апрельские тренды и последствия альтернатив экономической политики // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 2. С. 381–391. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.381-391>

E. A. KAPOGUZOV¹,

R. I. CHUPIN²

¹ *Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russia*

² *Institute for Economics and Industrial Production Organization of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*

FALL OF TRANSACTIONAL SECTOR: APRIL TRENDS AND CONSEQUENCES OF ECONOMIC POLICY ALTERNATIVES

Evgeniy A. Kapoguzov, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department “Economic theory and entrepreneurship”, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Address: 1 Litskevich square, 644053, Omsk oblast, Omsk, tel.: +7 (3812) 64-83-44

E-mail: egenk@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8083-5654>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/O-5278-2017>

SPIN-code: 5106-7554, AuthorID: 337296

Contact:

Roman I. Chupin, PhD (Sociology), Researcher, Institute for Economics and Industrial Production Organization of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences

Address: 17 Academician Lavrentyev prospekt, 630090, Novosibirsk oblast, Novosibirsk, tel.: +7 (999) 454-92-76

E-mail: roman-chupin@ya.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8904-1380>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/O-4534-2017>

SPIN-code: 7571-1067, AuthorID: 652038

Objective: to assess the current trends in the development of the transaction sector in Russia and to identify alternatives to implementing economic policy in the context of restrictions on economic activity.

Methods: the research used general scientific methods of cognition; content analysis of literary sources and mass media; comparative discursive categorical analysis.

Results: the corona virus pandemic highlighted new challenges for the economies of almost all countries of the world. One of the manifestations of the economic systems' crisis associated with the pandemic was the reduction of the transaction sector, which determines the need to assess its impact on the Russian economy. Political-economic cause-and-effect relationships of the fight against corona virus and the state of national economies are considered by the example of the "Trump dilemma". It was found that under strict restrictive measures imposed by most countries of the world, the most vulnerable were transaction sector businesses, primarily in the service sector. By the example of sports as a part of the "impression economy" in Russia and other countries of the world, we consider the range of negative consequences following the cancellation of sports events and the reduction of sports clubs funding.

Scientific novelty: the research presents the author's position on the existing discourse in the Russian literature on the content and scope of the transaction sector. We also recommend a way to update the choice of socio-economic alternatives to solve the problem of economic functioning under restrictions associated with the corona virus pandemic.

Practical significance: the results obtained can be used as recommendations for regional authorities when evaluating and developing economic policy alternatives.

Keywords: Transaction sector; Economy under coronavirus; Import of institutions; Economy of impressions; Economy of sports

Acknowledgement: the article is prepared by the results of research financed from the state budget according to the state order of Financial University under the Government of the Russian Federation on "Russia's participation in export and import of institutions".

Conflict of Interest: no conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Kapoguzov E. A., Chupin R. I. Fall of transactional sector: april trends and consequences of economic policy alternatives, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 2, pp. 381–391 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.381-391>

Трансакционный сектор:

определение и масштабы в мире и России

С момента выхода работы Д. Норта и Дж. Уоллиса [1] вопрос выявления категориальных признаков, содержания и структуры трансакционного сектора (далее – ТАС) находится в центре внимания экономистов. Попытки его измерить и выявить закономерности его развития неоднократно освещались в литературе как с точки зрения международных сопоставлений [2], так и применительно к отдельным развитым [3, 4], переходным [5, 6] и развивающимся [7, 8] странам.

Переход от индустриального к постиндустриальному обществу, где ведущей становится сфера услуг, приводит к изменению не только структуры производства и занятости, но и к развитию целых новых взаимосвязанных секторов, производство и занятость в которых тесно связана с другими секторами сферы

услуг. При этом согласно подходу Гуровой [9] выделяется узкий и широкий (в духе Норта и Уоллиса) подход к оценке принадлежности видов экономической деятельности к ТАС. В рамках узкой трактовки трансакционный сектор связывается исключительно с финансовой сферой: «трансакционный сектор в наиболее сжатой и концентрированной (в узкой и сокращенной трактовке) форме представляет собой финансовый сектор мировой экономики (финансовые рынки), который прежде всего включает денежно-кредитный рынок, рынки ценных бумаг и страховых услуг» [10, с. 67]. В рамках расширенного понимания трансакционный сектор является противоположным трансформационному, согласно которому создается новый продукт путем преобразования ресурсов, а трансакционный более схож с пониманием отраслей и видов деятельности, связанных с возникновением издержек, вызванных функционированием рыноч-

ного механизма (что близко к пониманию транзакций у К. Эрроу). При этом определение И. Гуровой транзакционного сектора как «совокупность институтов, обеспечивающих эффективное взаимодействие экономических агентов» [9, с. 113] страдает двумя недостатками, ведущими к невозможности функционального использования этого определения для количественных измерений: 1) отсутствием критерия измерения институтов, которые обеспечивают такое эффективное взаимодействие, 2) отклонением от базового подхода Норта и Уоллиса в понимании разграничений транзакционного и трансформационного секторов экономики.

Не разбирая детально достоинства и недостатки подходов других авторов, в частности Е. Попова и А. Веретенниковой [11], И. Стратулат и Д. Фролова [12], мы будем отталкиваться в рассмотрении транзакционного сектора в России от его классического понимания, приведенного в работе Г. Литвинцевой и Е. Гаховой, согласно которому всю сферу услуг можно условно разделить на базовый (трансформационный) и транзакционный сектора [13]. При этом стоит отметить, что структура транзакционных издержек различается как между разными секторами, к примеру в сфере промышленности и торговле, так и внутри отдельных предприятий [14]. Тем самым к транзакционному сектору относятся оптовая и розничная торговля, автосервис, финансовые организации, риелторские агентства, аренда, государственное управление и организации социальной инфраструктуры. К этому перечню можно также добавить организации туристической индустрии. Как указывал Е. В. Попов, объем транзакционного сектора претерпевает значительное снижение во времена экономического кризиса [15].

Причиной сокращения транзакционного сектора являются дисфункция институтов (по О. Сухареву, см., в частности, [16]) и негативные ожидания экономических агентов в условиях неопределенности, снижающих рыночный потенциал экономики. В ситуации со вспышкой COVID-19 и ограничительными мерами государства, принятыми для решения проблемы распространения эпидемии, деловые ожидания стали пессимистичными. Экономические агенты не уверены в продолжительности пандемии, а также в оценках ее последствий для экономики. Таким образом, возникает вопрос о влиянии «нового» кризиса

на транзакционный сектор и его продуктивность, а также о последствиях данного влияния на экономику России.

«Дилемма Трампа»

и политэкономический аспект проблематики ограничений хозяйственной деятельности

Под «дилеммой Трампа» – выражением, возникшим в общественно-политическом медиадискурсе вначале в США, а потом в мире в целом, подразумевается достаточно жесткий выбор: здоровье людей или функционирование экономики в режиме без карантинных ограничений. Согласно высказыванию Д. Трампа: «...Мы потеряем много людей из-за гриппа. Однако мы потеряем еще больше людей, если позволим стране погрузиться в масштабную рецессию или депрессию»¹. При этом такой жесткий выбор, сделанный изначально американской администрацией в пользу экономики, был поддержан. В частности, в издании *The Wall Street Journal*, в статье за авторством Н. Тимираоса и Дж.-А. Верлэйн, говорится, что «полная остановка может стоить экономике \$1 триллион в месяц, поэтому нам нужны более взвешенные шаги»². При этом США изначально на первом этапе распространения COVID-19 опирались на неолиберальный принцип самосохранения и отказа от диктата правительства в угоду личной свободе, оставляя за гражданами право принимать меры безопасности индивидуально. Слишком поздно поняв ошибочность такого метода, Трамп обвинил в распространении вируса Китай и Всемирную организацию здравоохранения (далее – ВОЗ), занимавшую, с его точки зрения, «прокитайскую позицию», и даже сделал попытку наказать ВОЗ, отказавшись финансировать эту международную организацию. Пока из стран Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) жесткие карантинные меры не ввела только Швеция, косвенно сделав выбор в пользу экономики. При этом от состояния медицины и действия властей во многом зависит масштаб бедствия. Причина, по которой в Германии смертность от коронавируса

¹ URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3252965> (дата обращения: 22.04.2020).

² URL: <https://www.wsj.com/articles/fed-to-inject-1-5-trillion-in-bid-to-prevent-unusual-disruptions-in-markets-11584033537> (дата обращения: 22.04.2020).

значительно ниже (по состоянию на начало апреля) (0,4 %), чем в Италии (9,5 %), Испании (6,8 %) или во Франции (4,3 %), в том, что немцы используют тот же метод, который применяется в Южной Корее, Тайване и Сингапуре: широкое тестирование, изоляция больных и тех, с кем они контактировали, и полная свобода для здоровых³. Кроме того, имеют значение и культурные различия относительно «социальной дистанции», представления о которой в южноевропейских Италии и Испании иные, чем в Германии или в Швеции. Так, в Швеции некоторые рестораны работают, но столики там расставлены на безопасной дистанции друг от друга. Людям старшего возраста и с симптомами ОРВИ настоятельно рекомендована самоизоляция. Обучение переведено на дистанционный формат, как и работа многих шведов. Представления о том, что шведская модель радикально отличается от европейской, глава МИД Швеции Анн Линде назвала мифом:

«Это миф, что жизнь в Швеции продолжается, как обычно. Многие люди остаются дома, многие предприятия обанкротились, многие шведы потеряли работу и серьезно пострадали от эпидемии. Неверно говорить, что Швеция придерживается радикально другой стратегии. Мы так же следуем рекомендациям экспертов, так же следим за соблюдением социальной дистанции и за тем, чтобы оградить людей, входящих в группы риска»⁴.

Тем не менее если мы посмотрим на цифры, то увидим, что по уровню смертности от коронавируса Швеция вошла во второй половине апреля в пятерку стран-лидеров. Более 12 % случаев заболевания имеют летальный исход. Для сравнения: в России смертность от коронавируса составляла на момент подготовки публикации (25 апреля 2020 г.) менее 1 % от заболевших. По относительному показателю, такому как число умерших на миллион населения в стране, Швеция тоже в десятке стран-лидеров с цифрой в 196 человек, опережая даже США, где таковых пока чуть более 150. В России совсем другой порядок цифр – менее четырех умерших от коронавируса на миллион человек.

³ URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3252965> (дата обращения: 22.04.2020).

⁴ URL: https://www.vesti.ru/doc.html?id=3260403&utm_source=grf-eng&utm_medium=partner&utm_campaign=giraff.io (дата обращения: 22.04.2020).

Политико-экономический выбор в пользу внедрения ограничительных мер был осознанным, и в первую очередь потери связаны с транзакционным сектором. В частности, среди потенциальных лидеров падения эксперты⁵ отмечают в первую очередь туризм и другие составляющие «экономики впечатлений», а также «офлайновые развлечения». По мнению академика А. Аганбегяна, вследствие введения ограничительных мер по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 на территории Российской Федерации, в том числе в условиях режима жесткой самоизоляции, «свыше 25 млн человек не работают, 76 % населения РФ находится на самоизоляции, а треть предприятий и организаций отправили работников в вынужденные отпуска без оплаты»⁶. Доходы занятых в наиболее пострадавших отраслях существенно сократились, что привело к катастрофическому падению совокупного спроса и кризису. Однако данное падение имеет и другие эффекты, способные, по мнению Рубена Ениколопова, привести к наиболее острому и затяжному экономическому кризису⁷.

Согласно данным PMI, индекс совокупных объемов производства в России по всем отраслям экономики в марте 2020 года упал по отношению к аналогичному периоду 2019 года на 15,2 п. п. (рис. 1).

Совокупный индекс объемов производства представляет собой средневзвешенное значение индекса объемов производства и индекса деловой активности в сфере услуг. Веса отражают относительные размеры производственного сектора и сектора услуг согласно официальным данным валового внутреннего продукта. Совокупный индекс *IHS Markit PMI*⁸ по России демонстрирует наибольший за 11 лет спад по причине

⁵ URL: <https://ria.ru/20200420/1570275485.html> (дата обращения: 22.04.2020).

⁶ Экономика на карантине // АИФ. URL: https://aif.ru/money/economy/ekonomika_na_karantine_pered_kakim_vyborom_segodnya_stoyat_glavy_regionov (дата обращения: 22.04.2020).

⁷ Самый тяжелый кризис со времен распада СССР // Meduza. URL: <https://meduza.io/episodes/2020/03/27/samyi-tyazhelyi-krizis-so-vremen-raspada-sssr-razgovor-s-rektorom-resh-rubenom-enikolopovym-odnim-iz-avtorov-obrascheniya-ekonomistov-popovodu-epidemii> (дата обращения: 22.04.2020).

⁸ Индекс IHS Markit PMI // PMI. URL: <https://www.markiteconomics.com/Public/Home/Index?language=ru> (дата обращения: 22.04.2020).

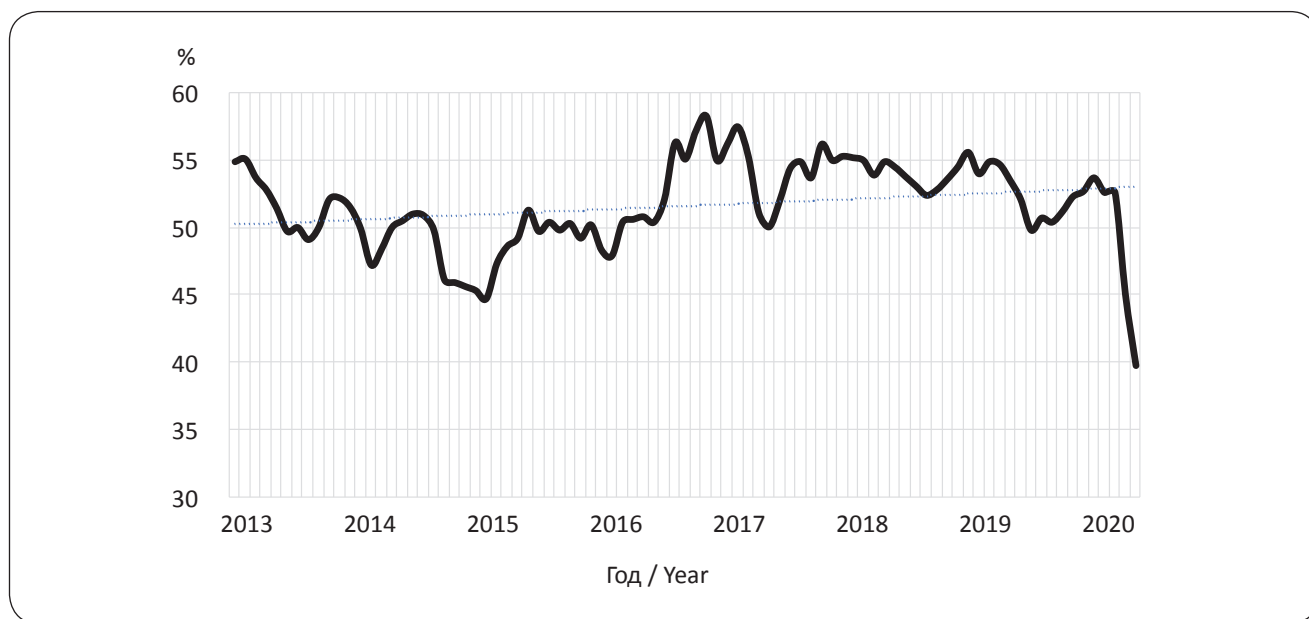

Рис. 1. Динамика индекса совокупных объемов производства в России (2013–2020 гг.)

Источник: составлено авторами на основе данных ФСГС, IHS Markit. URL: <https://www.markiteconomics.com/Public/Home/PressRelease/4830d05597f24adb5f6136daabb03b>

Fig. 1. Dynamics of index of aggregate volume of production in Russia (2013–2020)

Source: compiled by the authors based on the data of Federal State Statistic Service and IHS Markit, available at: <https://www.markiteconomics.com/Public/Home/PressRelease/4830d05597f24adb5f6136daabb03b>

беспрецедентного сокращения спроса. Помимо фактического сокращения потребления отмечается приостановка заключения новых контрактов на будущие поставки. В данных условиях в частном секторе фиксируется ситуация избытка производственных мощностей и нехватки ликвидности, усугубляет которую инфляционное давление от повышения НДС в 2020 г.

Наиболее негативное влияние данные тенденции оказали на сферу услуг (рис. 2).

На рис. 2 отмечено падение индекса деловой активности сферы услуг в России. Индекс деловой активности рассчитан *IHS Markit (NYSE: INFO)* на основе опроса свыше 300 руководителей промышленных предприятий. Индексы варьируют от 0 до 100, показатель выше 50 указывает на общее увеличение по сравнению с предыдущим месяцем, а ниже 50 – на общее снижение. Значение индекса в первом квартале 2020 г. сопоставимо с кризисным значением в 2009 г. При этом неопределенность в распространении COVID-19, а также медленное восстановление спроса в условиях нарастающей инфляции может пробить «дно» экономического кризиса 2008–2009 гг.

В первую очередь «коронакризис» может сказаться на уровне занятости. В первом квартале 2020 г. отмечается наибольшее снижение индекса занятости с периода экономического кризиса 2015 г. (рис. 3).

При этом обрабатывающее производство не демонстрирует такого снижения, несмотря на влияние COVID-19 на глобальные цепочки поставок. *IHS Markit* отмечает отсутствие изменений в численности занятых в первом квартале 2020 г.⁹ Однако производители товаров отреагировали на структурные изменения в цепочках закупок ростом отпускных цен, перекладывая эффект от пандемии на потребителей и посредников.

Таким образом, сфера услуг является наиболее пострадавшей из отраслей: вместе с сокращением спроса вследствие ограничительных мер отрасль переживает общий рост цен в экономике в совокупности с вытекающими структурными сдвигами в потре-

⁹ PMI//Markit Economics. URL: <https://www.markiteconomics.com/public> (дата обращения: 22.04.2020).

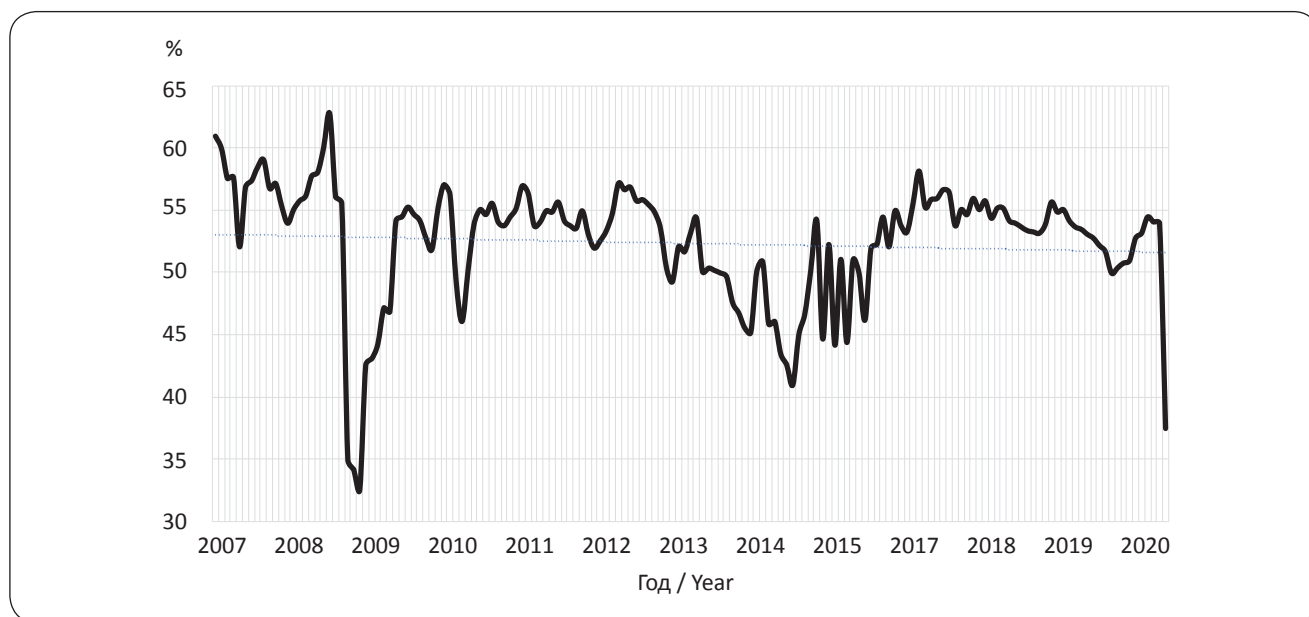

Рис. 2. Динамика индекса деловой активности сферы услуг в России (2007–2020 гг.)

Источник: составлено авторами на основе данных ФСТС, IHS Markit. URL: <https://www.markiteconomics.com/Public/Home/PressRelease/ec98424729864ca982afd029daf32c9>

Fig. 2. Dynamics of index of business activity in services sphere in Russia (2007–2020)

Source: compiled by the authors based on the data of Federal State Statistic Service and IHS Markit, available at: <https://www.markiteconomics.com/Public/Home/PressRelease/ec98424729864ca982afd029daf32c9>

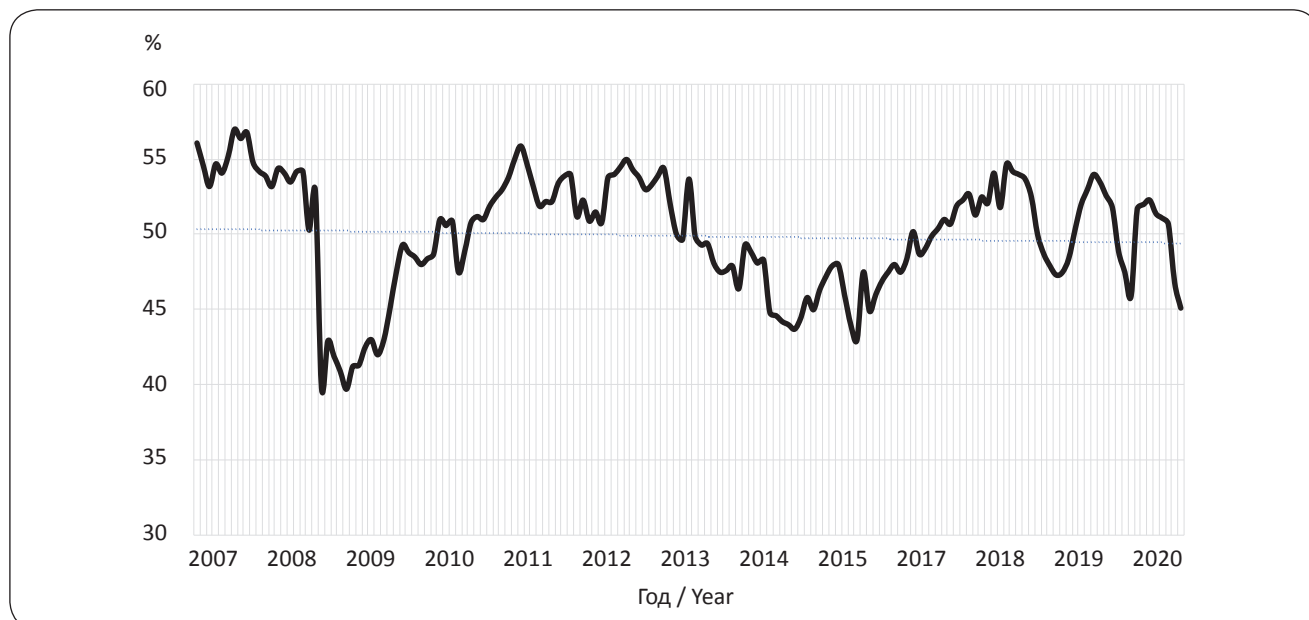

Рис. 3. Динамика индекса занятости в сфере услуг в России (2007–2020 гг.)

Источник: составлено авторами на основе данных ФСТС, IHS Markit.

Fig. 3. Dynamics of employment index in services sphere in Russia (2007–2020)

Source: compiled by the authors based on the data of Federal State Statistic Service and IHS Markit.

нии. На сегодняшний день в Перечень пострадавших отраслей, утверждаемый Правительством РФ, входит 10 отраслей экономики¹⁰. При этом все из указанных в Постановлении Правительства РФ № 434 отраслей относятся к сфере услуг.

Экономика впечатлений: профессиональные лиги в условиях пандемии

«Коронакризис» оказал влияние на спорт высших достижений как зрелище и в некоторой степени затронул массовый спорт и занятия физической культурой. В первую очередь это касается спортивных игр – футбола, хоккея, баскетбола и др. Есть прямые потери, связанные с отсутствием выручки от продажи билетов, приостановления спонсорских контрактов, продажи атрибутики офлайн и т. д. При этом наиболее существенная часть расходов спортивных клубов – зарплаты игроков – сокращается с трудом. Рассмотрим ситуацию подробнее применительно к трем ведущим профессиональным лигам России: футбольной «Российской профессиональной лиге» (далее – РПЛ), «Континентальной хоккейной лиге» (далее – КХЛ) и баскетбольной «Единой лиге ВТБ».

В КХЛ, где сезон заканчивается 30 апреля каждого года, контракты заключались именно на такой период, и по сути выплаты до конца сезона были заложены в бюджеты клубов. Вместе с тем уже объявлено, что в связи с пандемией администрация Приморского края не будет финансировать профессиональные спортивные команды края, а те средства, которые были предусмотрены на их финансирование, будут переправлены в резервный фонд Приморья на мероприятия по борьбе с распространением коронавируса¹¹. По разным оценкам, такая же участь может постигнуть еще семь команд КХЛ, хотя на момент подготовки публикации (по состоянию на 20 апре-

ля 2020 г.) других «отказников» замечено не было. Однако многие клубы ждут урезание бюджета как на фоне проблем спонсоров (в частности, нефтяных компаний, региональных бюджетов и др.), так и в ситуации ужесточения в лиге «потолка зарплат»¹².

В свою очередь, в ведущей хоккейной лиге мира – НХЛ, где сезон был прерван вследствие пандемии 12 марта, планируется возобновить его в середине июня¹³, несмотря на то, что США являются страной с самыми высокими в мире показателями заболеваемости по состоянию на 25 апреля 2020 г.: 957 660 случаев, 55 024 из которых завершились летальным исходом. В Канаде, где расположена часть клубов Национальной хоккейной лиги, ситуация более благоприятная: 46 640 заболевших и 2 560 человек умерло (данные также на 25 апреля 2020 г.). При этом около 100 лет назад, в 1919 г., сезон в НХЛ уже отменялся по причине пандемии испанки, когда хоккеистам становилось плохо уже по время хоккейных матчей и часть участников финала между клубами из Сиэтла «Метрополитанс» и «Канадиенс» из Монреаля попали в больницу еще по ходу серии, а через четыре дня после отмененного шестого матча финала в госпитале скончался Джо Холл – трехкратный обладатель Кубка Стэнли и отец троих детей. Тренер монреальского клуба «Канадиенс» Джордж Кеннеди вроде бы выздоровел, но через некоторое время после того, как он был выписан из больницы, его состояние ухудшилось, и через два дня он скончался¹⁴. В целом испанка оказала даже более разрушительное воздействие на человечество, чем Первая мировая война: примерное количество заболевших по миру составило около 500 млн человек (27 % тогдашнего населения Земли), а количество погибших – от 18 до 50 млн человек.

Вместе с тем ситуация в США неоднозначна в разных штатах, и пик распространения коронавируса приходится на Нью-Йорк, тогда как в других регионах ситуация выглядит иначе. В этой связи планируется

¹⁰ Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции: Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 434 (в действующей редакции) // Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/CGHNI9UNm6PFNfn2X2rdgVW9fo757i7A.pdf> (дата обращения: 22.04.2020).

¹¹ URL: <https://headmiral.ru/press-centr/novosti-kluba/v-svyazi-s-pandemiej-koronovirusa-admiral-ne-primet-uchastie-vsleduyushem-sezone-khl> (дата обращения: 22.04.2020).

¹² URL: https://www.gazeta.ru/sport/2020/04/26/a_13063555.shtml (дата обращения: 22.04.2020).

¹³ URL: https://www.gazeta.ru/sport/2020/04/26/a_13063633.shtml (дата обращения: 22.04.2020).

¹⁴ URL: https://www.championat.com/hockey/article-3994079-sezon-nhl-v-1919-godu-previali-iz-za-ispanski-virus-ubival-igrokov-prjamo-na-ldu.html?utm_source=copypaste (дата обращения: 22.04.2020).

провести матчи без зрителей в четырех регионах с наиболее благоприятной эпидемиологической обстановкой, где есть несколько стадионов.

В главной лиге отечественного футбола – Российской премьер-лиге (РПЛ) – падение доходов оценивается в 200 млн рублей для ведущих клубов, играющих в еврокубках¹⁵. В ряде клубов игроки уже согласились на сокращение заработной платы за апрель 2020 г., в частности футболисты «Спартак» согласились на сокращение на 40 % во время карантина¹⁶, схожий размер снижения происходит у других ведущих клубов. При этом, в случае если придется проводить матчи без зрителей, а не завершать досрочно сезон, это может привести к дополнительным финансовым потерям клубов. Так, владелец футбольного клуба «Спартак» Леонид Федун озвучил затраты на проведение одного матча без зрителей на домашнем стадионе «Открытие Арена» в размере от 15 до 20 миллионов рублей¹⁷.

Баскетбольная «Единая лига ВТБ» является еще одним субъектом, понесшим существенные расходы вследствие пандемии. Так, один только баскетбольный клуб ЦСКА потерял около 450 миллионов рублей вследствие отмены сезона¹⁸. В целом убытки Единой лиги ВТБ связаны, согласно интервью ее генерального директора Илоны Корстин, с потерей рекламных контрактов и доходов от продажи медиаправ, которые составляют «десятки миллионов рублей»¹⁹.

К сожалению, оценить убытки фитнес-индустрии на момент написания материала не удалось. Вместе с тем, согласно оценке газеты «Коммерсантъ», общая

сумма потерь в месяц оценивается в 3,7 млрд рублей, без работы по всей стране останется около 100 тысяч человек²⁰.

Выводы

Представленная вниманию читателя публикация в силу масштабности проблемы не может охватить все стороны рассмотрения ситуации как с теоретико-методологическими аспектами рассмотрения проблематики транзакционного сектора, где авторы попытались дать краткий обзор преимущественно российского академического дискурса, так и с последствиями пандемии на российский транзакционный сектор. И, с одной стороны, сложилась позиция, что в вышеупомянутой «дилемме Трампа» Россия с точки зрения высшей ценности социального государства – заботы о здоровье и благополучии человека – сделала свой осознанный выбор, пожертвовав экономической активностью и в том числе способствуя трансформации транзакционного сектора в сторону дальнейшей цифровизации и персонализации. С другой – социально-экономические последствия нынешней ситуации и возникающие потери в ВВП, доходах, смыслах существования (что относится к рассмотренной в статье сфере игровых видов спорта как составляющей «экономики впечатлений») оцениваются экспертами и учеными каждый день, и жанр журнальной публикации в этом случае может, несмотря на потерю актуальности некоторых статистических данных, быть срезом для изучения уже экономической истории нынешней непростой для экономики всего мира и России в частности весны 2020 г.

¹⁵ URL: https://www.gazeta.ru/sport/news/2020/03/31/n_14230021.shtml (дата обращения: 22.04.2020).

¹⁶ URL: https://spartak.com/news/2020-04-01-pervaya_komanda_spartaka_poshla_na_sokrashcheniye_zarplat_na_vremya_karantina/ (дата обращения: 22.04.2020).

¹⁷ URL: https://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Futbol/Russia/premier_league/spbnews_NI1181956_Leonid_Fedun_Jesli_igrat_bez_zritelej_organizacija_matcha_obojdetsa_v_20_millionov_rublej_a_dohodov_nol

¹⁸ URL: https://matchtv.ru/basketball/matchtvnews_NI1181077_CSKA_poteral_450_millionov_rublej_iz_za_koronavirusa (дата обращения: 22.04.2020).

¹⁹ URL: <https://rsport.ria.ru/20200422/1570378847.html> (дата обращения: 22.04.2020).

²⁰ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4299531> (дата обращения: 22.04.2020).

Список литературы

1. Wallis J. J., North D. C. Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870–1970 // Long-Term Factors in American Economic Growth / S. L. Engerman, R. E. Gallman (eds.). Chicago: University of Chicago Press, 1986. Pp. 95–161.
2. Ghertman M. Measuring Macro-economic Transaction Costs: A Comparative Perspective and Possible Policy Implications // Paper presented at the 2nd Annual Conference of the International Society for New Institutional Economics, 1998.
3. Dollery B., Leong W. Measuring the transaction sector in the Australian economy 1911–1991 // Australian Economic History Review. 1998. № 38 (3). Pp. 207–231.
4. Hazledine T. Measuring the New Zealand transaction sector, 1956–98, with an Australian comparison // New Zealand Economic Papers. 2001. № 35 (1). Pp. 77–100.
5. The Transaction Sector in the Bulgarian Economy / G. Chobanov, H. Egbert, A. Giuredzheklieva // Paper Presented at the Conference of the International Society for New Institutional Economics. Reykjavik, 2007.
6. Sulejewicz A., Graca P. Measuring the transaction sector in the Polish economy, 1996 to 2002 // 9th Annual Conference of the International Society for New Institutional Economics, Barcelona, Spain. 22–25 September, 2005.
7. Dagnino-Pastore J., Farina P. Transaction costs in Argentina // 3rd Annual Conference of the International Society for New Institutional Economics. Washington, USA, 16–18 September, 1999.
8. F. Da Measuring Transaction Costs in the Chinese Economy (1978–2007) // EALR. Jul. – Dez. 2010. Vol. 1, № 2. Pp. 281–300.
9. Гурова И. М. Трансакционный сектор: основные теоретические аспекты // Экономика и социум: современные модели развития. 2018. Т. 8. № 1 (19). С. 109–124.
10. Хасанов И. Ш., Хасанова К. И. Зарубежный опыт измерения трансакционного сектора национальной экономики (методология определения трансакционных издержек американскими экономистами Дугласом Нортон и Джоном Уоллисом) // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2008. № 3 (14). С. 67–70.
11. Попов Е., Веретенникова А. Ю. Структура и размер трансакционного сектора // Экономист. 2014. № 7. С. 21–23.
12. Стратулат И. В., Фролов Д. П. Трансакционный сектор экономики: концептуализация и институционализация // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 467.
13. Литвинцева Г. П., Гахова Н. А. Динамика трансакционного сектора экономики России: как учил Д. Норт // Journal of Institutional Studies. 2016. Т. 8. № 2. С. 38–50.
14. Шарафутдинова К. А., Власов М. В. Сравнительный анализ трансакционных издержек // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 4. С. 881–886.
15. Попов Е. В. Теория трансакционной оценки экономических институтов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2014. № 2 (23). С. 44–59.
16. Сухарев О. С. Теория дисфункций: проблема управления и уточнение целей макроэкономического развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 1. С. 95–112.

References

1. Wallis J. J., North D. C. Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870–1970, *Long-Term Factors in American Economic Growth*, S. L. Engerman, R. E. Gallman (eds.), Chicago, University of Chicago Press, 1986, pp. 95–161.
2. Ghertman M. *Measuring Macro-economic Transaction Costs: A Comparative Perspective and Possible Policy Implications*, Paper presented at the 2nd Annual Conference of the International Society for New Institutional Economics, 1998.
3. Dollery B., Leong W. Measuring the transaction sector in the Australian economy 1911–1991, *Australian Economic History Review*, 1998, No. 38 (3), pp. 207–231.
4. Hazledine T. Measuring the New Zealand transaction sector, 1956–98, with an Australian comparison, *New Zealand Economic Papers*, 2001, No. 35 (1), pp. 77–100.
5. Chobanov G., Egbert H., Giuredzheklieva A. *The Transaction Sector in the Bulgarian Economy*, Paper Presented at the Conference of the International Society for New Institutional Economics, Reykjavik, 2007.
6. Sulejewicz A., Graca P. Measuring the transaction sector in the Polish economy, 1996 to 2002, *9th Annual Conference of the International Society for New Institutional Economics, Barcelona, Spain*. 22–25 September, 2005.
7. Dagnino-Pastore J., Farina P. Transaction costs in Argentina, *3rd Annual Conference of the International Society for New Institutional Economics*, Washington, USA, 16–18 September, 1999.
8. F. Da Measuring Transaction Costs in the Chinese Economy (1978–2007), *EALR*. Jul. – Dez. 2010, Vol. 1, No. 2, pp. 281–300.
9. Gurova I. M. Transactional sector: main theoretical aspects, *Ekonomika i sotsium: sovremennye modeli razvitiya*, 2018, Vol. 8, No. 1 (19), pp. 109–124 (in Russ.).

10. Khasanov I. Sh., Khasanova K. I. Foreign experience of measuring transactional sector of national economy (methodology of measuring transactional cost by American economists North Douglass and John Wallis), *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, 2008, No. 3 (14), pp. 67–70 (in Russ.).

11. Popov E., Veretennikova A. Yu. Structure and volume of transactional sector, *Ekonomist*, 2014, No. 7, pp. 21–23 (in Russ.).

12. Stratulat I. V., Frolov D. P. Transactional sector of economy: conceptualization and institutionalization, *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2015, No. 1–1, p. 467 (in Russ.).

13. Litvintseva G. P., Gakhova N. A. Dynamics of transactional sector of the Russian economy: as D. North taught, *Journal of Institutional Studies*, 2016, Vol. 8, No. 2, pp. 38–50 (in Russ.).

14. Sharafutdinova K. A., Vlasov M. V. Comparative analysis of transactional costs, *Zhurnal ekonomicheskoi teorii*, 2019, Vol. 16, No. 4, pp. 881–886 (in Russ.).

15. Popov E. V. Theory of transactional estimation of economic institutions, *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, 2014, No. 2 (23), pp. 44–59 (in Russ.).

16. Sukharev O. S. Theory of dysfunctions: problem of management and specifying the goals of macroeconomic development, *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 2020, No. 1, pp. 95–112 (in Russ.).

Дата поступления / Received 27.04.2020

Дата принятия в печать / Accepted 28.05.2020

Дата онлайн-размещения / Available online 25.06.2020

© Капогузов Е. А., Чупин Р. И., 2020

© Kapoguzov E. A., Chupin R. I., 2020

ПОЗНАНИЕ

Тагиров, Э. Р.

Вызовы «времени-кайрос»: миссия ООН / Э. Р. Тагиров. – Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 360 с.

Предложенная вниманию читателя книга выбивается из обычного ряда и академических изысков, и публицистических эссе, посвященных анализу причин «слома» фундаментальных основ человеческого общежития, превращения *homo sapiens* в *homo faber*, схождения цивилизации с рельсов прогресса на путь регресса. Она написана в ключе историософского размышления, без претензии на законченность и бесспорность выдвигаемых положений. В ней запечатлена философия геоантропологического мировидения, глобалистского взгляда на «взбунтовавшийся» мир, вошедшего в фазис турбулентности, хаоса и неопределенности. Куда идет человечество? Откуда монблан нерешенных и численно растущих глобальных проблем? Где корни феномена «войны всех против всех»? Кто и что клонирует «майданы», экстремизм, терроризм? Что впереди – «конец истории» или через ее разлом выход на новую ступень эволюции?

Поиск ответов на вызовы «времени-кайрос» ведется через анализ феномена Организации Объединенных Наций как коллективного «управленца» развитием мира. Делается вывод о соединенности исторических судеб ООН и человечества. Для критики ООН оснований достаточно. Но бесспорно одно: мир сохранит и усилит роль Всемирного хурала или, потеряв его, приблизит свой финал.

Рассчитана на широкий круг читателей – от представителей академических до школьно-вузовских кругов, от элиты в лице управленцев, интеллектуалов, политиков, религиозных иерархов до «хай-тек-молодежи».